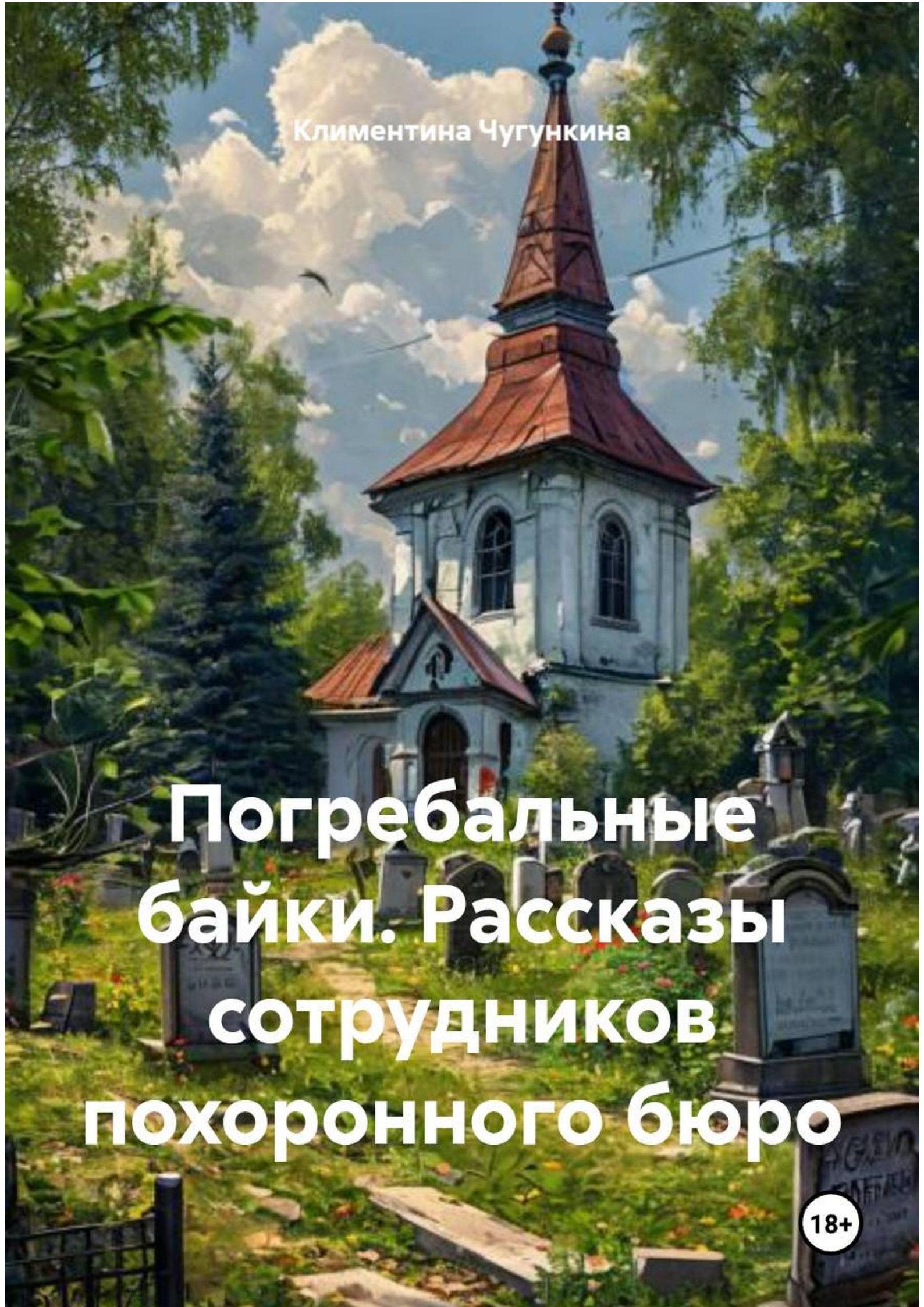

Климентина Чугункина

**Погребальные
байки. Рассказы
сотрудников
похоронного бюро**

18+

Климентина Чугункина

**Погребальные байки. Рассказы
сотрудников похоронного бюро**

«Автор»

2026

Чугункина К.

Погребальные байки. Рассказы сотрудников похоронного бюро /
К. Чугункина — «Автор», 2026

Душный летний вечер. Церковное кладбище. Сотрудники похоронного бюро, бюро ритуальных услуг, или, как их ещё называют, копачи, уселись отдыхать рядом со свежей могилой. Но молчать они не намерены. Чья история окажется круче? Чей рассказ произведёт наиболее сильное впечатление на слушателей? Что в итоге окажется предпочтительнее - неприкрытая истина о том, что довелось пережить лично, или выдумка, от начала до конца сотворённая силою воображения? Впереди так много интересного... Вечер точно не будет скучным.

© Чугункина К., 2026

© Автор, 2026

Климентина Чугункина

Погребальные байки. Рассказы сотрудников похоронного бюро

Истории основаны на реальных фактах бывшего работника бюро ритуальных услуг

Приятный лёгкий ветерок то и дело задувал, шебурша кронами деревьев. Солнце, хоть и клонилось к горизонту, а был уже шестой час вечера, всё ещё невыносимо опалало. На ветке ближайшей рябины сидела какая-то птица и весело голосила. Два копача, сотрудника похоронного бюро, только что закончили конуриться – создавать разметку по углам будущей могилы, и теперь намеревались присесть на ближайшую лавочку, дабы отдохнуть и перекурить. Две лопаты – штыковая и совковая – были брошены наземь рядом. Всё утопало в зелени на этом небольшом, а потому даже слегка по-домашнему уютном церковном кладбище. С их позиции хорошо была видна стройная колокольня в три яруса, особенно верхняя открытая площадка, где поблёскивала золотом колокольной бронзы пятёрка колоколов – три зазвонных и два подзвонных. Им предстояло копать ещё около двух часов – на завтрашнее утро были назначены похороны священника, чьей могилой они сейчас и занимались.

Чиркнули зажигалки. Две сигаретины почти одновременно задымили. Оба мужчины сделали по первой глубокой затяжке, выдыхая едкий дым, который тотчас растворял в атмосфере ветер.

Рубахи обоих были насквозь липкими от пота, а ведь они ещё даже не начали по-настоящему копать, но сегодня выдался необыкновенно жаркий день, первый этим летом такой по-настоящему обжигающий, и особенно трудно было находиться на открытом воздухе где-то после полудня и до четырёх часов по полудни, а сейчас уже начало потихоньку свежеть, да и ветер поднялся. И как бы ни хотелось им обнажиться по пояс, делать этого ни в коем случае было нельзя. Когда имеешь дело с могилами и гробами, чем меньше открытых участков кожи, тем лучше. Безопаснее для здоровья. Хотя копачам как раз таки беспокоиться о своём здоровье не пристало – большинство из них ведь насквозь проспиртовано, если и не того хуже. В ритуальные услуги люди приходят наниматься не от лучшей жизни.

Оба копача были примерно одинаковых лет, но один коренастый и плотный, да и ручищи здоровенные, великанские, такие задушат за нечего делать, а второй более поджарый, под глазами вечные синяки как признак того, что он порой не брезговал и травой курнуть, но в нём тоже имелись силы, да такие, что его товарищ мог бы ему позавидовать – когда было необходимо, он за два часа мог и в одиночку могилу выкопать, не отвлекаясь на перерывы. Коренастого звали Михай, а долговязого Гаррет. В бюро ритуальных услуг оба работали приблизительно года три.

- В курсе, что на днях Воткинс скончался? – уточнил Гаррет, вновь затягиваясь и смакуя дым. Ему нравилось, как едкие вещества обжигают горло.

- Неужели? – искренне удивился Михай. – Я виделся с ним на прошлой неделе. Он не выглядел больным. От чего он скончался?

- Видишь ли, там такая необычная история приключилась. Рассказать?

- Конечно. Время есть.

Михай выпустил пару колечек дыма – одно за другим, предвкушая занимательную историю. В куреве для него на первом месте стоял дым. Он любил с ним забавляться, как маленький ребёнок. И в колечках дыма он стал уже настоящим профи. Однажды ему удалось выдохнуть целых пять колец – один другого меньше. Тренировался он от нечего делать. Нравилось ему вызывать восхищение у окружающих своим умением.

Мистер Пибоди и его палец

Мистер Пибоди умер. Совершенно неожиданно. Так бывает. Возможно, внезапная смерть. Есть такое название. Скончаться от внезапной смерти могут даже животные. Главное, что это произошло. Ранним утром миссис Пибоди пришла будить своего супруга и увидела, что тот лежит мёртвый на своей половине постели. И хотя этот факт оказался для неё довольно неожиданным, и она ощутила укол сильного горя в своей большой великодушной груди, всё же она не поддалась эмоциям, а первым делом направилась к телефону – вызвать скорую помощь и заказать полную организацию обряда в бюро ритуальных услуг. А потом нужно было обзвонить всех ближайших родственников – как своих собственных, так и почившего супруга – и известить их по данному сверившемуся факту. Миссис Пибоди была очень пунктуальной женщиной и любила всё структурировать. Ей некогда было горевать по-настоящему, когда впереди предстояло столько хлопот. Мистер Пибоди умер очень некстати.

Первыми в их доме появились люди в белых халатах, констатировавшие действительную смерть. Как будто она сама не была в курсе этого. Через два часа, а всё это время мистер Пибоди продолжал лежать на своей половине постели, прибыли ритуальщики, забрать тело после медиков в морг.

Миссис Пибоди начала чувствовать себя очень одиноко, после того как её дом опустел. Первые родственники, пожелавшие оказать поддержку, должны были прибыть лишь вечером, никак не раньше. В доме повисла атмосфера внезапной утраты, и это явно ощущалось. Атмосфера пустоты затопила комнаты. Чтобы не впасть в тоску, миссис Пибоди набросала список срочных и важных дел и принялась за их осуществление.

Часа через три раздался звонок в дверь.

Это как раз прибыл Воткинс, которого наше бюро послало выяснить относительно некоторых распоряжений клиента. Во-первых, у миссис Пибоди телефон начал барахлить, и они не могли дозвониться до неё. Во-вторых, дом её располагался в непосредственной близости кладбища, они с супругом давно оформили участок земли под себя, а потому следовало заранее учесть все её пожелания и распоряжения. Да и ходила она всегда в город напрямки через кладбище. И лучше её никто не знал данного места. Быть может, только церковный сторож. Воткинс довольно скоро выяснил те вопросы, ради которых его и послали. Несмотря на горе, миссис Пибоди довольно охотно и подробно отвечала на все вопросы.

Он уже собирался уходить, как вдруг заметил, что один из его башмаков запросил каши, то есть, попросту говоря, подошва почти отделилась от основания, и вряд ли он в таком виде вообще куда-нибудь добрался бы, так как машины у него не было, а передвигался он исключительно пешком.

- О, хозяйка, прошу прощения, что вынужден обратиться к вам с такой просьбой, но не могли бы вы одолжить мне какой-нибудь старый шнурок? Посмотрите, что у меня с башмаком приключилось.

Воткинс продемонстрировал миссис Пибоди «крокодилий оскал» своего ботинка. Женщина с негодованием поцокала языком.

- Какой размер вы носите? – поинтересовалась она.

Не подозревая, что за этим вопросом последует, Воткинс простодушно отозвался.

- О, у вас размер в точности такой, как у моего мужа! Я без труда отдам вам одну из его пар. На безвозмездной основе, разумеется.

- О, нет, нет! Не стоит этого делать. Мне бы только шнурочек, а там уж я до дома доберусь как-нибудь.

- И слушать ничего не желаю! – всплеснула руками миссис Пибоди. – Я вас не отпущу в таком виде. Что о вас люди подумают?! Вы ведь лицо компании! Если все будут знать, что в вашей фирме работники выглядят подобным образом, в неё никто не станет обращаться, а

это значит, что вы либо останетесь на маленькой зарплате, либо потеряете работу в скором времени. Так что, будьте добры, возьмите одну из пар обуви моего покойного супруга.

- Ну, хорошо. Уговорили. Показывайте, что у вас там есть.

Миссис Пибоди с довольным видом тотчас начала вытаскивать из передней все пары обуви, которые только имелись у покойного мистера Пибоди.

Здесь были выходные туфли, походные ботинки, спортивные тапки для долгих пеших прогулок, лёгкие мокасины и даже резиновые сапоги до колен на случай охоты или рыбалки (хотя мистер Пибоди был всего лишь заядлым грибником). Воткинса заинтересовали лишь походные ботинки, и он попросил позволения примерить их. Миссис Пибоди не только указала ему удобно устроиться на пуфе для примерки, но принесла также и ложечку, и обувное зеркальце, хотя Воткинс не нуждался ни в том, ни в другом, и уже обул на себя новые ботинки, пока она за этими вещами ходила.

- Они на вас сидят влитую! – похвалила она.

- Ну, не знаю! – несколько призадумался Воткинс. – Такое ощущение, что правую ногу поджимает. Как будто что-то мешает в носке.

- Быть такого не может! Хотя... муж почти не носил их. Они могут поджимать, потому что почти новые и ещё не разношены. Возьмите тогда резиновые сапоги. Они точно стопу никоим образом сжимать не смогут.

Воткинс скептически покосился на несуразные резиновые сапоги. Если кто-то из коллег увидит его в таких, он станет предметом для шуток на весь год, если не долее. А эти ботинки всё же выглядели достойно, пусть одной из ног и не было вполне комфортно.

- Ладно. Остаюсь в ваших обновлениях. Моя огромная благодарность, мадам. С превеликим удовольствием вырою для вашего мужа самую глубокую и качественную могилу. Можете не беспокоиться за это.

Он собирался уходить и поднял с пола свои старые башмаки.

- Нет, что вы! – запротестовала миссис Пибоди. – Оставьте. Я их сама выброшу.

- Но..., - попытался было запротестовать Воткинс.

- Никаких «но»! Представьте, что станут думать о вашем бюро, если увидят вас разгуливающим по городу с подобными башмаками в руках!

Да, конечно, она была права. Наше бюро ритуальных услуг – одно из самых солидных заведений в городе. Нужно соответствовать статусу, ведь для каждого работника в почёте служить именно в нём, а не в службе какой-нибудь внешней уборки или очистке города от бродячих животных. И, хотя Воткинс и собирался донести свои старые башмаки до ближайшей помойки, он всё же уступил напору вдовы.

На том они распрощались. И наш коллега отправился дальше по своим рабочим делам, а миссис Пибоди вновь принялась хлопотать по хозяйству.

На этом история и должна логически завершиться, но правая нога Воткинса по-прежнему продолжала испытывать дискомфорт в новой ботинке, причём этот дискомфорт был таким, что вроде бы как его и не было заметно вовсе, пока не наступал какой-либо перерыв в работе, и тогда вполне явно ощущалось, что вроде бы как что-то в носке мешает. Воткинс хотел несколько раз вытащить ногу из ботинка и посмотреть, в чём проблема, но всякий раз его что-то отвлекало. А потом он отправился на ночное дежурство, где три могилы подряд вконец обессилили его, так что он и вовсе не мог думать ни о чём другом, кроме как прикоснуться головой к подушке.

Однако мистера Пибоди не было необходимости задерживать в гражданском морге. Он умер совершенно естественным образом от сердечно-сосудистой недостаточности, поэтому и хоронить его можно было уже на следующий день. Пока стояла такая жара, не было нужды «передерживать» тела.

Так совпало, что бюро наше на прошлой неделе испытывало недостаток в сотрудниках: всё же три свежие могилы и трое похорон на следующий же день, да ещё кто-то в отпуске, кто-то приболел, а кто-то отпросился за свой счёт в связи с семейными обстоятельствами. В общем, Воткинса попросили присутствовать. И ему пришлось согласиться, хотя он и чувствовал себя вконец разбитым.

Гроб разместили в гостиной для прощания с родственниками и знакомыми. Комната сделалась проходной: кто чувствовал необходимость, подходил к покойному. А так собирались либо на кухне, где были выставлены угощения, либо на веранде, куда можно было взять закуску и горячий кофе с собой.

Воткинс предпочёл разместиться в зашторенной комнатке по соседству с гостиной. Ему ещё предстояло нести гроб вместе с другими тремя мужчинами на себе от самого дома до могилы, поэтому он собирался ненадолго вздремнуть до начала торжественного выноса гроба, избрав местом своего временного отдохновения большое удобное кресло.

Однако только глаза его начали слипаться, как в комнату вошли двое женщин – родственницы покойного – и принялись сплетничать громогласным шёпотом, считая, что таким поведением щадят чувства вдовы. Они стояли в проходе, а кресло, в котором полулежал Воткинс, было развёрнуто спинкой к двери, так что они совершенно не замечали, что в полутёмной комнатке есть кто-то ещё.

- Муж знаком с доктором Кэрхью, - продолжила дама начатый где-то в другом помещении разговор. – А он любого знает в этом городке, имеющего отношение к медицине. Так что для мужа переговорить с патологоанатомом, который осматривал Патрика, не составило труда. Видимых причин для смерти обнаружено не было, поэтому «мгновенная смерть» и была указана в документе. Однако он обнаружил одну странную вещь, которую не стал заносить в документы, так как его попросила об этом сама миссис Пибоди.

- И что же там было такого странного? – поинтересовалась её собеседница, зашептав ещё сильнее, другими словами, доведя свой шёпот до максимума.

- Палец. Палец на ноге.

- И что с ним не так?

- Он отсутствовал. А я знаю, что у Патрика все пальцы всегда были на месте. Вот и думай после этого, что между ними всё-таки что-то произошло.

- Но ведь палец – это несущественная деталь. Возможно, несчастный случай, о котором тебя не поставили в известность...

- Нет. В том-то и дело, что это не недавняя травма. Такое ощущение, сказал патологоанатом, что палец отделили в момент смерти и очень хорошо обработали рану. Настолько хорошо, что это могло быть делом рук лишь искусного хирурга.

- Если так, то при чём здесь Фолия? Ведь она никак не могла навредить своему супругу. Она ведь работает в пекарне, а не какой больнице.

- Это да. Но к ней заходит полгорода. Если она сблизилась с каким-то врачом, то тогда многое становится понятным.

- Думаешь, это всё же она? – тут голос понизился до шёпота.

- Скорее, они. Но точно я ничего не знаю. Я лишь располагаю некоторыми фактами, и только. Надо понаблюдать за Фолией, как она станет себя вести. Кого будет приглашать после похорон в гости. Кто станет наносить ей визиты.

- А палец хоть какой?

- Что?

- Какой палец отрезали Патрику?

- А-а-а... Третий палец правой ноги. По первую фалангу.

Видимо, обсудив самое важное, дамы решили отправиться наполнять свои желудки.

- Вот глупые бабы! – подумал про себя Воткинс. – Раскудахтались!

Потом он перевернулся на другой бок и попробовал снова задремать.

Разбудил его человек, который должен был вместе с ним нести гроб. Пора было приступить. Хотя Воткинсу и показалось, что он только секунду назад прикрыл глаза.

Было жарко уже в одиннадцать утра. Мистер Пибоди был человеком не худеньким, а потому гроб являл собой довольно ощутимую ношу. Идти предстояло с полкилометра, естественно, медленным размеренным шагом. Это же процессия, а не марафон. Воткинс шёл, а про себя матерился. Похоже, каждый из четырёх сейчас матерился.

- Это ещё ничего, братцы! – подал вдруг голос один из них, решивший приободрить остальных – Однажды мне довелось нести в ещё большую жару, так, скажу я вам, на меня капать начало. Тело-то несвежее было!

Прекрасное приободрение – ничего не скажешь!

Каждый шаг отдавался болью в правой ноге. Каждый шаг был маленькой мучительной пыткой. Казалось, что это полукилометровое расстояние растягивается до вечности и никогда не закончится.

Воткинс матерился, как редко когда в своей жизни. Он сожалел, что принял эти ботинки покойного. Дармовой подарочек в принципе быть хорошим не может. Уж лучше бы он промолчал, заметив проблему в своих старых башмаках. Такое ощущение, что это и не ботинок вовсе, а какая-то деревянная колодка. Мало того, что боль в пальцах жуткая, так ещё и стопа немеет.

Кое-как он дотянул эти полкилометра, стараясь не концентрироваться на проблемной части. Но гроб ещё предстояло положить в глубину могилы, а потом ещё и закопать её.

Воткинс с ненавистью посмотрел на лица собравшихся и понял, что не может более терпеть этот дискомфорт. Только подошли они к месту упокоения мистера Пибоди, как он молвил одному из коллег, едва шевеля губами:

- Мне нужно отойти. Очень срочно.

- Что? – не понял тот, потому что Воткинс проглотил половину звуков в словах.

- Мне нужно срочно отойти, - повторил тот.

Видимо, по его лицу было видно, что в этом действительно есть срочная необходимость, так как коллега подозвал кого-то из толпы провожающих и попросил помочь подержать гроб, так как его товарищу совершенно неожиданно стало дурно.

В общем, как только Воткинс освободился от своей ноши, он устремился к группе молодого березняка, что рос неподалёку и, усевшись прямо на траву, принялся расшнуровывать ненавистный ботинок.

Вытащив ногу, он с волнением обнаружил, что стопа не только распухла, но ещё и носок весь прохудился со стороны пальцев, хотя на нём были совершенно новые, только недавно купленные носки, точно какие-то едкие химикалии прожгли ткань, образовав множественные крошечные дырочки.

Воткинс стянул носок.

На стопе было безусловное воспаление, но ещё более худшее зрелище представляли собой пальцы. Почерневшие и искривлённые – они были поражены какой-то неизвестной инфекцией. А средний палец... Боже, что представлял собой средний палец! Он был точно обожжён. Кожа слезала с него лоскутами. Мясо гнило заживо, издавая тошнотворный запах, а в одном месте обнажился даже крохотный фрагмент кости.

Несмотря на то, что предстало глазам Воткинса, весь этот ужас, что в момент в нём поднялся, он всё же нашёл в себе силы посмотреть, что там такое в ботинке, что мешало ему. Запустив руку внутрь, он принялся шарить, и его пальцы почти сразу нащупали маленький продолговатый округлый предмет, чуть тёплый и немного мягкий при надавливании. Они захватили его и потащили наружу.

Разжав ладонь, Воткинс обнаружил на ней пропавший палец трупа – зеленовато-бледно-синеватый на цвет. С обломанным ногтем. Палец ехидно смотрел на него и ухмылялся.

Чисто инстинктивно он отбросил эту гадость от себя и завопил во всё горло, будоража своими криками собравшихся.

- Ведьма! Проклятушая ведьма! – заорал Воткинс, после чего грохнулся в обморок.

В себя он больше так и не пришёл. Его доставили в больницу, где на следующий же день он скончался. От заражения крови. Доктора отметили инфекцию на его стопе, но никто не мог найти причины. Решили, что он где-то поранился.

Что касемо пальца мистера Пибоди, то следы его затерялись. Может, ещё лежит где-то в траве. А может, и подобрал кто. Для каких-либо колдовских целей и надобностей.

- Ну, ты и заврался, Гаррет! – засмеялся Михай, вот только почти сразу закашлялся – давали о себе знать лёгкие хронического курильщика. – Это же надо столько всего придумать! Ты прям сказочник.

- Слушай, Михай, я ничего не придумывал, - нахмурился Гаррет. – Всё так и было, как я рассказал. Спроси, кого хочешь. Тебе подтвердят, что Воткинс скончался внезапно от малопонятной инфекции.

- Я не об этом. Но вот возьмём, к примеру, как ты описывал миссис Пибоди. Ты настолько хорошо знаком с ней, чтобы говорить, чем она занималась дома после смерти своего супруга?

- Я знаю о ней ровным счётом не более твоего, но я считаю, суть хорошего рассказа заключается в том, чтобы представить себе, как могли бы двигаться и говорить герои упомянутой истории. Я не считаю, что такие дополнения искажают правду, ведь я ни одного факта не придумал и не убавил от себя.

- Что ж, отлично. Тогда я тоже расскажу тебе кое-какую историю. Чтобы ты понял, что и без всяких «украшательств» рассказывать можно интересно для собеседника. И, кстати, в моей истории есть и некая персона, косвенно упомянутая в твоей.

Здравствуйте, мои дорогие

Речь пойдёт об упомянутом тобой докторе Кэрхью. Все в нашем городке знают его, как убеждённого холостяка, но за непрístupной бронёй равнодушия к прекрасному полу, как мне кажется, сокрыто любящее сердце. И то, что я тебе поведаю, раскроет совершенно с неожиданной стороны этого человека. Ты и представления не имеешь, чем он занимался прежде. А возможно, занимается и по сию пору. Вот только уже без помощников – излишних свидетелей своей запрещённой деятельности.

Я тогда только устроился в бюро. Был ещё совершенно «зелёным» новичком. Разумеется, всю сверхурочную работу старались перепоручить мне. Только нужда заставила меня устроиться в бюро, а потому против сверхурочной я не возражал, хотя и уставал изрядно.

Однажды ближе к вечеру, когда я задержался в бюро, но уже собирался уходить, со мной связался доктор Кэрхью, обещая солидное вознаграждение за не слишком сложную помощь, которую требовалось ему оказать в ночное время.

Ещё не зная доктора Кэрхью лично, я уже имел представление о том, что этот человек доктор. Хотя ему не было ещё и сорока, но в его волосах уже крылась благородная седина. Он был высок и хорошо сложен, обладал длинными тонкими аристократическими пальцами. А глаза были внимательными и проницательными, они созерцали мир с большой толикой сочувствия. В общем, этот человек мне сразу понравился, хотя я и не ожидал, что высматривал он в нашем бюро именно меня. Я только позже узнал, что он предпочитал пользоваться услугами новичков, которые мало что в принципе понимали и ещё достаточно плохо разбирались в своей и чужой работе.

Условились мы с ним, что в полночь я приду к нему домой, а дальше он мне объяснит, что ему от меня нужно.

Дом ты его и сам хорошо знаешь – удобный, просторный, светлый. На первом этаже амбулатория, где он принимает больных. Сколько он уже живёт в нашем городке? Лет пять как. Значит, в ту пору, когда я только поступил на службу, он проживал в этом доме около двух лет. Он и тогда считался одиноким холостяком. Но позднее я узнал, что разные маменьки и тётушки безуспешно пытаются пристроить за него своих дочек и воспитанниц. А безрезультатно от чего? Всё от того, что у него уже была девушка.

Ты можешь мне не верить, но это факт. Я сам её видел. Худое измождённое лицо в окне с огромными глазами, в которых горела невероятная жажда жизни. Лицо было бледнующее, а всё от того, что настоящий лик был сокрыт восковой маской. Ну, это я так думаю. И мне кажется, что я прав. А почему, слушай дальше. Но в тот миг, когда я только подходил к крыльцу, меня поразило это лицо. Луна как раз вышла из-за облаков и хорошо осветила дом: горящий ярким светом жизни первый этаж и тёмный второй, пропитанный надеждой лишь этой девушки, которую прятал от всего остального мира прославленный доктор. И она была в белоснежном воротнике жабо.

Как оказалось, доктор Кэрхью собирался в морг, и я нужен был ему в качестве помощника по выносу тела. Вообще, всё, что связано с телом, обычно выполняют двое, и я понял, что доктор тоже будет принимать участие в работе, а не только отдавать распоряжения. Мне это сразу приглянулось. Не люблю, когда только командуют, а ничего не делают сами.

Мы прибыли не в обычный морг, а в судебный. В нём мне ещё не довелось побывать, ведь я устроился всего пару дней назад. Да и сразу я это заведение тоже не признал, только когда мы уже оказались внутри – мы вошли через запасной вход\выход, и доктор Кэрхью воспользовался своим ключом. Я как-то сразу сообразил и принял, что нам предстоит не вполне законное занятие, а потому следует издавать как можно меньше шума.

И я понимаю, почему доктор Кэрхью предпочитает обувь именно на резиновой подошве. Однажды я слышал, как про это дамочки толковали. Что у него все туфли на резиновой подошве в силу рода его занятий. Скорее уж тех занятий, что он старательно прячет от толпы.

Так вот, притопали мы в нужное нам помещение, а там на каталках трупы навалены друг на друга как старые матрасы. На одном столе, помню, лежало тело со вскрытой черепной коробкой. Задранный скальп с вытащенным мозгом – жуткое зрелище. На втором столе тело со вскрытой глубоко грудной клеткой, все внутренности вытащены, в ногах горкой кишки, печень, желудок. Внутри грудной клетки естественно рёбра тоже распиленные, и так пусто, прямо как на рынке, когда свиные или говяжьи туши большие висят. В общем, зрелище не для слабонервных, даже если ты и числишься в похоронном бюро.

Ну, доктор Кэрхью на то и доктор, что к таким вещам абсолютно привычен, поэтому он сразу прошёл к самой последней каталке, как будто был уже в курсе, где ему оставят то, что ему надо было, или же где ему оставляли необходимый материал постоянно. В общем, по-хозяйски подошёл он к телу девушки, утопленницы с ярко-рыжими волосами, потому что я явно различил у неё «перчатки смерти», да ещё и судя по всему, беременной, так как её вздувшийся живот бросался в глаза. По-видимому, она дожидалась своей очереди на предмет вскрытия. Осмотрев её шею собственническим взглядом, доктор Кэрхью обратился ко мне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.